

*А. Т. Баянова, А. О. Долева, Е. В. Сангаджиева
(зав. научным архивом и библиотекой
им. П. Э. Алексеевой, КалмнЦ РАН;
младший научный сотрудник, КалмНЦ РАН;
младший научный сотрудник, КалмНЦ РАН)*

**О священнике А. И. Воронцове и его статье
«Несколько дней пребывания моего в Тюменевке»***
DOI 10.22162/2587-6503-2018-1-5-104-135

*Статья подготовлена в рамках государственной субсидии — проект «Формирование полнотекстовых информационных ресурсов в современном научном и культурном пространстве» (номер государственной регистрации АААА-А18-118040490039-3).

Александр Иванович Воронцов родился в 1844 г. в семье протоиерея слободы Николаевская, Царевского уезда, Астраханской губернии Ивана Никифоровича Воронцова. Закончив успешно в 1864 г. первый курс Астраханской духовной семинарии, он в числе лучших семинаристов был направлен на дальнейшую учебу в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1868 г. со степенью старшего кандидата богословия. Вскоре был назначен преподавателем Астраханской духовной академии по классу Святого писания, а в 1869 г. — преподавателем калмыцкого языка.

В течение 17 лет он успешно занимался преподавательской работой в академии и снискал доброжелательное отношение своих воспитанников. Академическое образование сформировало широту интересов молодого преподавателя и способствовало участию его в создании Архивной комиссии, учрежденной по приказу Священного Синода в 1869 г. для научного разбора и описания архивных дел Астраханской духовной консистории. В дальнейшем А. И. Воронцов стал учредителем и членом Петровского общества исследователей Астраханского края, которое развернуло всестороннюю краеведческую работу.

А. И. Воронцов активно сотрудничал в журнале «Астраханские епархиальные ведомости» (далее — АЕВ), начиная с года основания газеты в 1875 г. Он внес немалый вклад в исследование калмыков. В данном журнале им было опубликовано много материалов о быте, культуре, традициях калмыцкого народа: «Об астраханских калмыках. История

пребывания их в России, современное религиозное их состояние и надежды на них в будущем» [АЕВ 1875, № 1–2], «Несколько дней пребывания моего в Тюменевке» [АЕВ 1876, № 6–10, 12–13], «Несколько слов о современном положении калмыков, кочующих в Астраханской губернии» [АЕВ 1876, № 18–19, 21–23], «Рассказ из быта калмыцкого народа» [АЕВ 1876, № 26], «Извлечение из путевого дневника, веденного в Астраханских калмыцких улусах» [АЕВ 1877, № 11–14], «По вопросу о необходимости преобразования быта калмыков» [АЕВ 1878, № 49], «Новый году у калмыков» [АЕВ 1883, № 22] и т. д.

Астраханский епархиальный комитет православного миссионерского общества часто обращался к нему как к знатоку языка и традиций калмыков, и он всегда откликался на его просьбы. Так, в 1871 г. по предложению Астраханского епархиального комитета с целью ознакомления с бытом и традициями калмыков А. И. Воронцов совершил поездку во время летних каникул в с. Тюменевку, в ставку князя Тюменя. Итогом этой поездки стала статья «Несколько дней пребывания моего в Тюменевке», напечатанная в нескольких номерах «Астраханских епархиальных ведомостей» [АЕВ 1875, № 6–10, 12, 13].

В 1876 г. по поручению комитета он вновь предпринял поездку в Калмыцкую степь для изучения быта крещеных и некрещеных калмыков. В результате этой поездки он представил комитету записку с интересными сведениями о быте калмыков, об отношении православного населения к некрещеным и принявшим православие калмыкам, о взгляде русского человека на характер и быт калмыков и о мерах по обращению их в православие. Он рассматривал также вопрос о возможности и целесообразности печатания переводов священных книг на калмыцкий язык на кириллице.

В 1888 г., после выхода по болезни в отставку, А. И. Воронцов закончил свой многолетний труд — «Подробный калмыцко-русский словарь», который был одобрен комитетом и отправлен 29 мая 1890 г. на рассмотрение профессору Санкт-Петербургского Императорского университета А. М. Поздневу.

Скончался А. И. Воронцов в 1895 г. в возрасте 51 года, похоронен на астраханском кладбище близ Духосошестввенской церкви. За свою многолетнюю и плодотворную деятельность он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени (23.08.1875).

Сыновья А. И. Воронцова также получили духовное образование и служили священниками. Сын Николай (1874–1916 гг.) учился в Астра-

ханской духовной семинарии, по окончании которой первым из студентов был командирован за казенный счет для получения дальнейшего образования в Казанскую духовную академию. В 1898 г. Н. А. Воронцов окончил полный курс Академии магистром по историческому отделению и, как лучший студент, был оставлен при Академии в качестве профессорского стипендиата на кафедре пастырского богословия. 12 ноября 1898 г. он получил назначение в Казанскую духовную семинарию преподавателем на кафедру расколоведения, эту должность он занимал до конца своей жизни. Приняв сан, Н. А. Воронцов в 1899 г. был определен на должность священника церкви святой великомученицы Параскевы Пятницы г. Казани, а 6 декабря 1908 г. возведен в сан протоиерея Петропавловского собора в г. Казани.

Другой сын А. И. Воронцова — Александр (1876–1919 гг.) — работал доцентом на кафедре пастырского богословия в Казанской духовной академии, служил настоятелем храма Грузинской иконы Божией Матери в городе Казани. Скончался 13 апреля 1919 года от сыпного тифа, похоронен на Арском кладбище Казани.

Статья А. И. Воронцова «Несколько дней пребывания моего в Тюменевке» представляет интерес для исследователей как полевой источник по изучению быта и уклада калмыков, традиций и обычаи народа, которые автор описал на основе своих непосредственных наблюдений. Орфография и пунктуация источника сохраняется.

А. Воронцов

Несколько дней пребывания моего в Тюменевке

[№ 6]

[15] В Астраханской духовной семинарии, в виду местных миссионерских потребностей, преподается для желающих воспитанников оной калмыцкий язык, преподавателем которого состоит пишущий эти строки. Преосвященный Феогност, епископ бывший Астраханский и Енотаевский, а ныне Подольский и Брацлавский, много заботившийся о деле просвещения калмыков светом христианского учения, предложил мне в 1871 году в летние каникулы для ближайшего ознакомления с бытом калмыков отправиться в какой-либо калмыцкий улус вместе с одним из обучавшихся с особенным успехом калмыцкому языку воспитанников, окончившим в тот год курс в семинарии, А. П. С-вым, ныне состоящим в сане священника Черноярского уезда в селе Плодо-

витом. На расходы для этой цели преосвященный Феогност нашел возможность оказать нам и денежное пособие в количестве 25 рублей из сумм Астраханского епархиального комитета православного миссионерского общества. Для поездки мы избрали Тюменевку — летнюю ставку калмыцких князей Тюменей, находящуюся в Хошоутовском улусе, верстах в 80-ти от Астрахани, вверх по Волге, на левом берегу ее. По разным, не зависевшим от нас обстоятельствам, нам немного привелось пожить между калмыками, всего около двух недель. В продолжение этого времени я записывал в свой дневник все, что казалось мне интересным в быту калмыков. Выдержки из этого дневника в настоящее время я и помещаю на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей».

8-го июля. В 10 часов утра мы с г. С-вым отправились на Волжском пароходе «Государыня» в Тюменевку. Когда пароход отплыл от Астрахани верст 30, я счел нужным заранее обратиться к капитану парохода с просьбою ссадить нас прямо в Тюменевке. Капитан обещался [16] дать свисток пред Тюменевкой для того, чтобы по этому свистку выслали нам оттуда навстречу лодку, но обещание это не было исполнено, и потому нам пришлось проплыть лишних 12 верст и слезть с парохода в Сероглазинской станице, оттуда подана была лодка, на которую и ссадили нас. В тот же день один казак, плывший в Астрахань на «дощанике», нагруженном таловыми дровами, свез нас в Тюменевку за 1,5 рубля; прибыли мы в нее в 7 часов вечера. Сошедши на берег, я тотчас же отправился к помощнику попечителя улуса А. К. Д-у с бумагами от В. Ф. г. М-ва, помощника главного попечителя калмыцкого народа. Прочитав эти бумаги, он немедленно отправил казаков приготовить нам помещение в доме князя Тюменя, куда приказал снести и наш багаж, а нас самих пригласить к себе на чай, каковому приглашению, само собою понятно, мы были очень рады. За чаем этот чиновник, между прочим, известил нас, что теперь у калмыков идет свадебное пиршество: княгиня выдает замуж свою служанку за молодого зайсанга. Конечно, мы рады были воспользоваться так скоро представившимся случаем посмотреть на калмыцкую свадебную пирушку... После чая трое улусных русских чиновников, я и г. С-в пошли в ту кибитку, в которой пировали калмыки. Еще далеко не доходя до кибитки, мы услышали весьма монотонный визг скрипки-хур, наигрывающей калмыцкий танец, пение песен, крик, смех и хлопанье в ладоши. Войдя в кибитку, мы увидели следующее: у кибиточной ре-

шетки-тэрмэ¹ противоположной двери, поджав под себя ноги, сидела княгиня Рашан-Далик, жена молодого князя Церен-Надмита Тюменя, в калмыцкой богатой шапке и в европейском, сшитом по последней моде, платье; в зубах у ней дымилась папироса. Перед ней стоял маленький, низенький продолговатый столик, на котором поставлены были: небольшой графин с русской водкой, два стакана и две большие рюмки. Шага полтора от дверей в глубь кибитки стояла низенькая скамейка, на которой помещены были два калмыцких сосуда, весьма искусно сделанных из лошадиной шкуры (по калм. *берьбе*)² с водкой же, а за скамейкой по направлению к дверям лежали на земле два двухведерных бочонка, из которых водка разливалась сначала в *берьбе*, а потом из этих уже сосудов в стаканы и разносились на подносе гостям, которые пили ее без всякой закуски. Никакой другой посуды и мебели в кибитке не было — такие кибитки на подобные случаи и строятся. Народу было, как [17] говорится, битком набито. По левую сторону княгини сидела невеста, молоденькая девушка, бывшая служанка княгини. За нею в два ряда сидели другие молодые девушки и замужние женщины; около самой двери сидели почти друг на друге маленькие девочки, из которых иным было не более 5 лет. По правую руку княгини сидело 5–6 старух, за ними мужчины молодые и старые; другой ряд по правую сторону занимали также мужчины. Свободного места среди кибитки, назначенного для пляски, оставалось очень немного... При входе нашем танцевала какая-то девушка, а молодой калмык-друга разносил в стаканах водку поочередно и мужчинам и женщинам. Нас пригласили сесть по левую сторону от входа в кибитку; все гости сидели по-калмыцки на земле, поджавши под себя ноги. Девушка танцевала под звуки инструмента, похожего на нашу скрипку; мужчины и женщины в такт хлопали в ладоши и выкрикивали также в такт слово *харысь*³, которое можно передать русским: «живей, бодрей». Пляска состояла в судорожном движении рук и ног, подергивании плечами, в разных жестах, в подбочениваньи и размахиваньи руками, вообще в живом, быстром и судорожном движении всего корпуса. Протанцевав несколько минут, девушка остановилась и потом, нагнувшись, прикоснулась рукой к коленке другой девушки. Это означало, что последняя

¹ Решетки-тэрмэ — стенные решетки кибитки.

² Берьбе (*бөрв*) — кожаная фляга без швов.

³ Харысь (прав. *хадрис*) — возглас, подбадривание при исполнении танца у калмыков, аналогичное русскому слову «браво».

должна сменить ее. Отказаться в таком случае от пляски — значило бы оскорбить всю пирующую публику. Спустя несколько времени, один из танцевавших калмыков прикоснулся к коленке чиновника А. К. Д-а; тот встал, топнул раза три ногами, размахнул руками и пригласил вышешошенным образом танцевать невесту. Один из калмыков, с которым успел уже познакомиться г. С-в, прикоснулся к его коленке. Тот хотел было отказаться от приглашения, но А. К. Д-в тихонько заметил ему, что отказавшись протанцевать по приглашению, он потеряет расположение к себе пировавших калмыков, а это было бы противно нашим целям. С-в встал и довольно удачно выделял калмыцкие плясовые па. Наконец дошла очередь до меня. Я тоже вышел на середину кибитки и, топнув несколько раз каблуками, прикоснулся к коленке первого попавшегося на глаза калмыка. Между тем как гости танцевали, дружка безостановочно разносил водку в стаканах и мужчинам и женщинам. Нам поднесли водки в рюмках и наливали ее из того графина, который стоял на столике пред княгиней. Водка была до того отвратительна, что ее решительно [18] не было возможности пить. И потому мы вместе с чиновниками из вежливости только прикасались к рюмкам губами... Когда приглашали танцевать княгиню, то все мужчины и женщины, большие и малые калмыки, и русские из уважения к ней вставали на ноги. В это время кибитка превращалась в чистый ад: публика не жалела ладонь, крики *харысь* превращались в дикие, бешеные вопли... Мы просидели в кибитке до самой полуночи и все время нашего пребывания там не было ни драки, ни ругательств, никаких вообще неприличий, только одна старушка, соседка г. С-ва, так ослабела от водки, что повалилась на землю, извергнула из своего желудка тем же путем, каким и принимала в себя, угощение и уснула крепким сном. Сильно подгулявшие и потому некрепкие на ногах калмыки едва ухитрились вытащить ее вон из кибитки. Узнав, что особенного на пирушке ничего не будет, кроме танцев, пения песен и угощения водкой, мы отправились в свою квартиру...

[№ 7]

[9] 9-го июля. В 5:30 часов утра мы с г. С-вым пошли в ту кибитку, в которой накануне вечером было торжество и увидели в ней ту же самую картину, какую представляли калмыки вчерашний вечер. Так как танцы, пение песен и крики *харысь* более уже не интересовали нас, то мы отправились к другой недалеко стоявшей кибитке, из которой выносили приданое невесты, состоявшее большей частью из сунду-

ков, неизвестно наполненных, ковров, кошом и кибиточной кухонной посуды: котлов, ковшей, ведер и пр. Весь этот калмыцкий скарб-хурды-мурды¹ навьючивали на двух верблюдов, подаренных молодым княгиней. Во все время, пока старые калмычки возились с приданым, невеста плакала горькими [10] слезами с причитаньем. Когда приданое окончательно было навьючено на верблюдов, гости, пировавшие в вышеупомянутой кибитке, вышли из нее и столпились около той кибитки, из которой выносили приданое. Наконец, из этой кибитки вывели невесту с покрывалом на лице и посадили верхом на кобылу, убранную великолепными седлом и уздой. Верблюды, назначенные для перевозки приданого, также были украшены разноцветными недоузтками. Позади невесты на ту же кобылу сел здоровый толстый калмык и крепко обхватил ее руками за туловище: невеста показывала вид, что она хочет спрыгнуть с седла. Молодые парни сели верхом на лошадей. Наконец вся эта кавалькада отправилась церемониальным шагом в кибитку, назначенную для житья новобрачным. Но сначала молодые, гости и свита, сопровождавшая их, должны были объехать кругом капище – сямэ². Подле самого капища два молодых парня развернули длинный и широкий шелковый полог на двух деревянных шестах; каждый из них держал в руках по шесту, к которым прикреплены были края полога. Они ехали верхом впереди невесты. Полог, который держали пред лицом невесты и чрез который она не могла видеть впереди дорогу, служит, по объяснению некоторых калмыков, символом неизвестности ее судьбы в замужестве. Вся эта церемония продолжалась около часу. Гэлюна и гэцюла, приглашенных на бракосочетание, в это время угощали калмыцким чаем и водкой в кибитке, стоявшей недалеко от кибитки молодых. При приближении поезда к кибитке молодых старуха калмычка разостлала против дверей кибитки кошму, а старик калмык внес в совершенно пустую еще кибитку таган и подложил под него горячих углей в знамение того, что с этих пор эта кибитка составит новый семейный очаг. Между тем гэлюн приказал одному молодому калмыку приготовить заряженное ружье, чтобы выстрелить из него в злого духа, когда молодые приблизятся к своей кибитке. Когда гости, составляющие свиту молодых, объехали кругом их кибитку и стали приближаться к дверям, молодой калмык щелкнул курком ружья, но выстрела не последовало; парни стали слезать с ло-

¹ Хурды-мурды (сл. несклон. астрах) — домашний скарб, хлам.

² Сямэ (сүм) — буддийский храм.

шадей. *Баса, баса* (еще, еще) живо закричал гэлюн. Это значило, что поезд еще раз должен был объехать кругом кибитки. На этот раз выстрел был удачен и злой дух, по убеждению калмыков, был прогнан от кибитки молодых. Когда поезд остановился, гэлюн подошел к молодой с деревянной небольшой чашечкой — *аяга*¹, наполненной коровьим маслом и молоком, [11] дал ей отхлебнуть из нее немного, потом помазал этой смесью копыта, лоб, щеки и уши той кобылы, на которой сидела верхом молодая. Один калмык объяснил мне, что в этом обряде выражается та мысль, чтобы молодые всегда имели в достаточном количестве молоко и масло. При развьючивании одного верблюда я заметил в кожаном мешке зарезанного барана, которого также возили вместе с приданным кругом капища. Этим обрядом, по объяснению того же калмыка, выражается желание, чтобы у молодых никогда не было недостатка в баранах... Молодую, снявши с лошади, посадили на кошму, которая была разостлана пред дверями кибитки. Гэлюн минут пять вполголоса читал над ней молитву, потом три раза стукнул ее по голове дощечкой, на которой был изображен какой-то бурхан со множеством рук. Этим пока и закончился обряд... Молодая продолжала сидеть на кошме, рядом с нею стали садиться и мужчины и женщины. Два молодых калмыка держали пред молодой шелковый полог. Минут десять спустя, калмычка принесла весьма грязное ведро, наполненное калмыцким чаем и деревянную тарелку с мушкоморками (весьма невкусными витушками, испеченными из плохой пшеничной муки). Этим чаем угощали сидящих с молодой. Между тем молодые парни припасали лошадей для скачки. Когда все было готово, они отправились версты за две от кибитки и оттуда начали перегонять друг друга. Первая лошадь, выигравшая приз, принадлежала одному молодому зайсангу, который со сверкающими глазами следил за калмыком, скакавшим на его лошади и обрадовался, как ребенок, когда его лошадь выиграла приз, состоявший из коленкорového платка, в котором завязаны были две-три серебряные монеты 15–20 к. Для него важен, как он сам говорил, не какой-нибудь двугривенный или платок, а дорога честь лошади. Другой зайсанг, который не пускал своей лошади в скачку, стал отнимать платок у выигравшего приз на том основании, что лошадь его бежала без седла, и что, следовательно, он незаконно получил приз. После непродолжительной брани хозяин лошади, выигравшей приз, ударил кулаком в лицо своего противника, потом в

¹ Аяга — пиала, чашка, чаша.

другой и третий раз, наконец, вцепился ему в волосы. Мужчины почти все хладнокровно смотрели на эту сцену, но женщины решились разнять дерущихся, и это им удалось через несколько минут. Впрочем, и сами враги, успокоившись немного, примирились друг с другом... Невеста по-прежнему продолжала сидеть на кошме, гости пили чай, а молодые ребята [12] собирались составить вторично скачку. Мы не стали более дожидаться окончания брачных церемоний и возвратились в свою квартиру, потому что был уже одиннадцатый час, а мы с 5-ти часов утра еще ничего не пили, не ели. По приходе на квартиру, мы сию же минуту разогрели самовар, который выпросили у княгини. Мы расположились пить чай под одним деревом в запущенном саду князя Тюменя. Едва успели мы выпить по стакану, как начали появляться калмыки, прямо садились возле нас и разными хитрыми намеками выпрашивали чаю. Мы приняли их со всем радушием русского человека и должны были поэтому три раза подогревать самовар и подсыпать чаю; расход этот с избытком вознаграждался тем, что мы постоянно беседовали с ними о калмыцком житье-бытье и заставляли их переводить русские фразы на простонародный калмыцкий язык. Между этими калмыками оказался один мой знакомый, с которым я встречался в кибитках на Астраханском перевозе. Когда я пишу эти строки, его шапка лежит передо мною на столе. Он сию минуту приходил к нам в квартиру пьяный; рассказал, почему он пьян. По его словам, он сейчас был у княгини, которая поднесла ему водки, говорил с ней о своей сестре, которую сватает один ученый калмык из Астраханского калмыцкого училища; доложил нам, что у княгини есть *оронго обор*¹ — рог единорога, что этот рог имеет силу исцелять разные болезни: лихорадку, горячку и пр., помогает женщинам при родах, особенно же полезен при излечении сифилитических болезней, стоит только с благоговением прикоснуться к нему и соскрести с него ножом несколько стружек и принять их внутрь с водою. Зарапортовавшись, он ушел, забыв взять шапку.

Вечером были у помощника попечителя, который передал нам, что княгиня и калмыки гости остались очень довольны нашим посещением. Между прочим, он же из своих наблюдений передал нам, как калмыки бывают недовольны теми, которые смотрят на них, как на собак и брезгают их угощениями. Однажды, рассказывал помощник, был он по делам службы в с. Селитрянном. Окружающие его

¹ Оронго обор (*орңһ өвр*)— рог единорога.

были все калмыки; он стал есть вместе с ними их кушанье. Несколько человек из русских заметили ему: «Что ты, барин, ешь с ними? Ведь они нехристь, собаки!» Один из калмыков сказал на это: «Все люди сотворены одним Богом... Сам сын Царя (покойный Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович) ел из наших чашек наше кушанье, пил калмыцкий [13] чай и аршьян¹. Он, верно, поумнее вас невеж». Вообще, по словам помощника, русские сельские мужики-невежи много вредят сближению калмыков с русскими своим раскольническим взглядом на них.

10-го июля. Ныне в полдень я ходил версты за две от дома князя Тюменя осматривать бумбу², где был сожжен труп Сербе-Джаба³, деда нынешнего князя Церен-Надмита⁴. Бумба — это не иное что, как могильный памятник, обнесенный частоколом. Он сделан из кирпича, четырехугольной формы; кверху округляется; самую вершину его составляет обыкновенный калмыцкий большой котел — хайсун⁵, положенный вверх дном. На ограде укреплены четыре молитвенные машины, называемые калмыками кюрду⁶. К ним приделаны деревянные крылья, имеющие форму хлебальной ложки. При ветре эти крылья вертятся на оси горизонтально, а вместе с ними вертятся и кюрду. Памятник уже довольно обветшал и значительно попорчен, так что во время моего осмотра ни одна кюрду не вертелась, а вертелись только одни крылья, прикрепленные к частоколам. Под этим памятником хранится цаца⁷ — небольшая фигурка, имеющая форму сахарной головы и слепленная из теста и из пережженных костей Сербе-Джаба. Эта фигурка составляет предмет религиозного почитания. Возвратившись на квартиру и не заставши дома г. С-ва, я от скуки стал прогуливаться по

¹ Аршьян (правильно *аршан*) — освященная вода.

² Бумба (бумб) — буддийское культовое сооружение.

³ Сербеджаб Тюмень (1774–1858 гг.) — нойон Хошеутовского улуса, основатель Хошеутовского хурула, командир Второго Астраханского калмыцкого полка, участник Отечественной войны 1812 г., полковник (1816 г.), кавалер российских и иностранных орденов.

⁴ Церен-Надмит Тюмень — сын Церен Джаба Тюменя, владелец Хошеутовского улуса.

⁵ Хайсун (*хэсн*) — котел.

⁶ Кюрду (*күрд*) — буддийский культовый предмет в виде цилиндра, вмещающего молитвенные тексты.

⁷ Цаца (*цац*) — буддийское культовое сооружение, часто типа часовни, по виду напоминающее небольшой субурган.

берегу Волги и потом, уставши, зашел отдохнуть в первую, попавшуюся на пути кибитку. Оказалось, что эта кибитка принадлежит опекуну улуса зайсангу М-ву. Он сидел в тени за кибиткой в одной сорочке и пил калмыцкий чай. Увидев меня, он послал своего маленького сына в кибитку за бешметом. Я попросил его не церемониться со мною, но он отвечал, что сидеть при госте в одной сорочке муу — не хорошо, неприлично. Окончив калмыцкий чай, зайсанг приказал поставить русский самовар, который вскоре и был готов. Под тень за кибитку нам вынесли стол и погребец с чайным прибором. Жена М-ва наливала чай, а мы с ним, сидя на стульях, попивали его. Чай был очень хорош и приготовлен очень опрятно. Видно, что этот калмык из бывалых. За чаем мы беседовали о разных предметах, преимущественно же о князьях Тюменевых, о простом калмыцком народе, его быте, нравах и пр. Зайсанг М-в объяснял мне разные народные обычаи, приводил калмыцкие названия разных предметов, нас окружавших, и в то же время делал распоряжения по хозяйству. Он был знаком, по его словам, [14] с князем Енгальчевым¹, составителем калмыцкой грамматики и с г. К. Голстунским², составителем русско-калмыцкого словаря. Я побеседовал с г. М-вым около двух часов и не считаю время, проведенное с ним, потерянным для себя! От него я зашел в кибитку княгини и попросил у нее позволения посмотреть на рог единорога. Она позволила. Действительно, вещь замечательная. Длины в роге 12 с половиной четвертей. Приобретен он покупкою за границей во время войны русских с французами 1812–14 г. Сербе-Джабом, который принимал участие в этой войне с подвластными ему калмыками. В четырех местах рог единорога спаян серебряными гайками. Во время одной перекочевки верблюд, везший его, споткнулся и упал и тяжестью своего тела разломил этот рог на несколько частей... В тот же вечер я слышал от калмыков, что когда они перекочуют на другое место, то прежде всего втыкают в землю этот рог, отчего злые духи, по их верованию, покидают эту местность...

Вечером, на закате солнца, помощник попечителя, я и г. С-в осматривали знаменитый Тюменевский *сюмэ* (храм-капище). Этих *сюмэ* в ограде собственно три. Один — высокий, каменный, построенный в

¹ Попов А. В. (1808–1865 гг.) — российский востоковед, монголовед, автор «Грамматики калмыцкого языка» (Казань, 1847).

² Голстунский К. Ф. (1831–1899 гг.) — российский монголовед, автор «Русско-калмыцкого словаря» (СПб., 1860).

китайском вкусе, который виден с Волги, другой — тоже каменный стоит позади первого и гораздо ниже его, отчего и не виден с Волги; третий — старый деревянный, перенесенный сюда с правого берега Волги, в котором совершалось идолослужение до построения первого. Мы были только в первых двух. При входе во второй *сюмэ* мы увидели старого *гэлюна*¹ благочинного, называемого по калмыцки *ширетуй*². Он сидел на тьюфяке, поджавши под себя ноги, читал шепотом по-тибетски молитвы и дергал за веревочку *кюрду*; около него вертелась кошка. Минуты через две в *сюмэ* прибежало несколько бритых мальчиков, учеников или *манчжиков*³. Иным из них было не более 7-ми лет. *Ширетуй*, разговаривая с посетителями, не переставал заглядывать в тибетский молитвенник и вертеть *кюрду*. Увидев, что мы обратили внимание на молитвенный колокольчик — *хонхо*, *ширетуй* взял его, с любезностью позвонил немного, потом с благоговением приложил к своему лбу и поставил на свое место. *Ширетуй* уже 30 с лишком лет состоит в сане *гэлюна* и пользуется между духовными и простыми калмыками таким уважением, что они снисходительно смотрят на то, что он в самый *сюмэ* перенес свою постель, на которой постоянно и почивает. Посвятив несколько минут [15] на осмотр *сюмэ*, мы в сопровождении *ширетуя* отправились в большой *сюмэ*, который виден с Волги. Здесь меня поразила чрезвычайная чистота, опрятность и порядок. Я был в *сюмэ* на Калмыцком Базаре, но там *гэлюны* ведут себя точно дома, как будто совершенно забывают, что они находятся в священном для них месте: они плюют и сморкаются прямо на пол, входят туда в грязной обуви и, кажется, никогда не моют пола. Здесь же в Тюменевке, напротив, крашенный пол *сюмэ* был так чист, что как будто бы его сейчас только вымыли. Вдоль и поперек капища были постланы белые, чистые узкие холсты, по которым и ходят посетители и ламайское духовенство. Все стены капища увешаны картинами религиозного содержания. Среди капища для украшения висят как бы две колонны — *чювур*⁴, искусно составленные из разноцветных широких

¹ Гэлюн (*гелң*) — буддийский монах высшей степени посвящения.

² Ширетуй (*ширету*) — должность, которую в калмыцких хурулах занимал буддийский священнослужитель, председательствующий во время буддийских ритуалов и служб.

³ Манчжик (*манж*) — послушник, монах первой степени посвящения в калмыцком монастыре, в других буддийских регионах соответствует степени баньди.

⁴ Чювур (*чивур*) — грузило.

лент. По бокам стоит много этажерок, на которых в порядке разложены священные книги — *ном* на монгольском и тибетском языках, завернутые в разноцветные шелковые ткани. Самый замечательный в капище предмет — это литое будто бы из чистого золота изображение *ламы-гэгэна* или *бурхан-бакши*, т. е. основателя буддийской религии *Шакья-Муни*¹. Оно стоит в глубине капища, на месте, похожем на наши алтари... Вообще это капище так великолепно устроено, так в нем все проникнуто религиозною идеей, что первые минуты при посещении его в душе невольно является только одно чувство — чувство религиозного благоговения. Только уже после, когда осмотришься получше, да взглядишься в содержание религиозных картин, является иное чувство — чувство сожаления к калмыкам — этим добрым и простодушным инородцам, тратящим попусту столько денег и религиозного чувства на бездушных идолов... Ужели еще долго не настанет то время, когда *гэлюны* заменятся христианскими иереями, *сюмэ* — христианскими храмами, *хурулы* — христианскими монастырями, *бурханы* — идолы — христианскими иконами?

[№ 8]

[10] 11-го июля. Рано утром разбудил нас сильный дождь, немного промочивший нас, потому что мы спали не в комнате, а на дворе. Умывшись и одевшись, мы послали калмыка Мамашку, прикомандированного к нам в качестве слуги, к княгине за самоваром, но княгиня крепко спала под дождь; спустя час, послали в другой раз, но она продолжала спать. Пить хотелось страшно! Чтоб утолить свою жажду чаем, я воспользовался обещанием А. К. Д-а дать мне формулу калмыцкой присяги. И вот я отправился к нему за этой присягой, в надежде, что застаю его за чаем. Надежда меня не обманула: я отлично напился чаю и получил обещанную мне формулу присяги; кроме того у секретаря Улусного Правления С. Н. Г. мне удалось напиться даже кофе. В его квартире от русских и калмыков, пришедших к нему в гости, я услышал, что у слуги князя Тюменя, приехавшего накануне из Астрахани, пропала ночью лошадь; перед моим отходом от секретаря явился к помощнику попечителя калмык с известием, что пропавшая лошадь найдена зарезанною около *бумбы*; из нее вырезана ворами только небольшая часть груди на одно варевое, остальное мясо все было брошено... Между русскими, живущими в Тюменевке, ходит догадка, что преступление совершено вследствие распространившегося между

¹ Шакья-Муни (Будда Шакьямуни) — легендарный буддийский учитель, основатель буддийского учения.

калмыками и особенно духовенством ложного слуха о том, будто бы владелец Хошоутовского улуса князь Церен-Надмит Тюмень намерен принять православную христианскую веру...*

*Слух этот, который, вероятно, имел какое-либо основание и в 1871 году, в настоящее время вполне оправдался на деле... См. ниже.

Улусные русские чиновники в разговорах с нами постоянно жалуются на голод: баранины с трудом можно отыскать, потому что летом, по случаю жаров, редко режут баранов; молоко здесь калмыки продают почти по той же цене, как и в Астрахани на больших и малых исадах... Спасибо добрым людям, что надоумили нас запастись разными съестными припасами в Астрахани. Мы, сравнительно говоря, пока еще не голодаем, благодаря этим припасам, которые еще не совсем оскудели у нас... Теперь семь часов вечера; из окна той комнаты, в которой я пишу, видно, [11] как калмык в саду Тюменя подкладывает под медный большой чайник дрова, — это он приготовляет нам калмыцкий чай для ужина...

12-го июля. Напившись утром калмыцкого чаю с мушкоморками, мы с г. С-вым отправились по берегу Волги в дальние кибитки, расположенные по другую сторону ерика, разделяющего Тюменевку на две половины. Там мы, между прочим, заметили две кибитки, в которых астраханские татары торгуют калмыцкими товарами: сухими витушками, простым листовым табаком, который русские называют *тютюном*, кирпичным чаем, ржаной мукой, разными калмыцкими материалами и пр. У одного из татар мы купили два фунта сарачинского пшена. Потом мы заходили в кибитки калмыков и почти везде видели знакомую уже нам картину: среди кибитки на тагане стоит большой котел — *хайсун*, в котором варится чай; калмычка подкладывает под котел дрова или *аргасун* — сухой скотский помет, употребляемый как топливо; ребяташки валяются на родительской постели, или на земле среди кибитки с трубками в зубах; грудные дети ползают около огня совершенно голые. Почти во всех кибитках запах один и тот же: пахнет кислым молоком, залежавшимся протухлым коровьим молоком, сырыми шкурами и дымом, весьма вредным для глаз, от горящего *аргасуна*. В кибитке одного зайсанга М-кова мы увидели относительный порядок и чистоту. В порядке были расставлены на левой стороне кибитки красивые сундуки с имуществом; на столе рядом с бурханами поставлены были фотографические карточки Государя Императора, Государыни Императрицы, блаженной памяти Государя Цесаревича

и Великого Князя Николая Александровича и князя Церен-Надмита Тюменя. Кровать была гораздо выше обыкновенных калмыцких кроватей и покрыта дорогими коврами. Одна калмычка спала на ковре, разостланном на земле, с ребенком, другая сучила из овечьей шерсти тонкие веревки. Обыкновенного неприятного кибиточного запаха здесь не было, может быть, потому, что для М-ва и его семейства готовили кушанья в другой кибитке. При нас калмычонок принес на двух тарелках *тоторго* — сарачинское пшено, сваренное в молоке. Самого хозяина в кибитке не было. На возвратном пути мы зашли в кибитку другого зайсанга С-ра М-ва, того самого, у которого 10-го июля в субботу вечером я пил русский чай. У него в кибитке была страшная вонь от кислого молока, сырых шкур, разостланных кругом кибитки, кусков попортившейся баранины и конины, [12] заткнутых за *унины* или те палки, на которых держится свод кибитки. Жена М-ва предложила нам русского и калмыцкого чая, но мы отказались от того и другого. Сын М-вых М-ко Н-н в это время, вычистив себе ваксой сапоги, мазал голову помадой. Он еще молодой парень, нынешний год кончивший курс в Астраханском калмыцком училище. Побывав в Астрахани, он узнал, что такое вакса, узнал, что голову можно мазать и вычесывать из нее вредных паразитов, узнал, что чистое белье носить приятнее и полезнее, чем грязное... Другие молодые калмыки стараются подражать во всем, что касается внешности, ему и другим калмыкам, обучившимся или жившим в Астрахани. Вообще ученики Астраханского калмыцкого училища, по нашим наблюдениям, суть первые пропагандисты русских обычаев и привычек в своих родных *хотонах*¹...

В полдень ходили на пирушку к молодой калмыцкой чете. Молодая, по обычаю калмыков, до трех дней никому не показывается. Спустя три дня, молодые устраивают пир, на который приглашают, кроме молодежи, почетных лиц. У наших молодых в числе почетных гостей были: княгиня Рашан-Далик, зайсанг М-ков, зайсангша М-ева и опекун какого-то аймака. Пировали также, как и прежде на свадьбе, т. е. пили водку, плясали и пели песни. Во время этой последней пирушки молодые раздавали почетным гостям свадебные подарки — *умюскуль*². Княгине подарили бешмет из *глясе* руб. в 15, М-евой длинную

¹ Хотон (*хотн*) — низшая административная единица у калмыков, поселение.

² Умюскуль (*өмскүл*) — наряд, одеяние, подарок в виде одежды.

одежду из ситца, называемую по-калмыцки *лапшик*¹, М-кову белый, кажется, коленкоровый халат, которым он остался недоволен, потому что, подержав его на своих плечах минуты три, отдал тут же калмыку Нохашке, ключнику княгини; хромоту переводчику Г-ву подарили полосатый бешмет из дешевенькой материи... Этот пир был не так шумен, вероятно потому, что молодой не слишком усердно угощал гостей водкой и *аркой* (хмельный напиток, приготавливаемый из молока); калмыки оживлялись несколько только тогда, когда плясала княгиня. Пред княгиней на этот раз стояла на низеньком столике тарелка, наполненная кизлярскими семенами, леденцами и калмыцкими витушками. На этой пирушке нельзя было не обратить внимания на слишком уже патриархальную простоту калмыцких нравов. Замужние женщины тут же на пиру в виду всех кормили грудью своих детей, ничем не прикрывая ее. Если кто-либо из танцующих прикасался к коленке такой женщины, то она спокойно передавала своего ребенка соседке [13] и начинала плясать. Окончив танец, она брала его на руки и снова начинала кормить грудью. Так вела себя между прочим одна из калмыцких аристократок г-жа М-ева.

Вечером часов в 8 пили чай у помощника попечителя. Во время чая к нему привели калмыка с запиской от опекуна улуса М-ева, в которой просит посадить этого калмыка в арестантскую за буйство. Когда помощник попечителя начал допрашивать буйного калмыка, тот сказав, что он *орос медкишь* (по-русски не понимает), начал докладывать по-калмыцки, что его обидел купец татарин, разорвал на нем бешмет, ударил его и пр. Помощник велел посадить его в арестантскую, но потом, спустя немного времени, неизвестно по каким побуждениям, велел выпустить его. Калмык от радости забыл, что он «орос медкишь» и начал отлично говорить по-русски, выражая свою благодарность помощнику. Так, по словам этого чиновника, поступают многие плуты-калмыки. Чтоб отделаться от вопросов русских чиновников, они притворяются непонимающими русского языка. Калмык этот оказался тем самым, которому мы утром дали несколько копеек на хлеб. Он вместе с другим калмыком вызван сюда из дальнего хотона, живет под надзором М-ева и судится за кражу 30 штук рогатого скота.

13-го июля. Ныне человек семь калмыков ловили маленьким неводом рыбу, но лов был неудачен по причине сильного ветра. Один из числа этих ловцов скрипач Б-ка подарил нам из своей небольшой доли

¹ Лапшик (*лавшиг*) — распашной тип одежды.

бичихан ботоха — маленького судака, которого мы тот час же и сварили. Вечером нас известили, что хромой переводчик Г-в гонит *арку*. Мы отправились в его кибитку посмотреть на процесс выделывания калмыцкой водки. Посреди кибитки на тагане стоял большой котел, наполненный молоком; под котлом горели дрова. Котел покрыт был деревянным кружком, края которого во всех точках соприкосновения с котлом были замазаны глиною, смешанною с коровьим пометом. В середине кружка вделана была деревянная трубка — *цорго* и проведена в другой пустой котел меньших размеров. Этот последний котел поставлен был в корыте, наполненном холодной водой, покрыт деревянной крышкой и также обмазан глиною с коровьим пометом. Пары от кипящего молока по деревянной трубке входили в пустой котел, где охлаждаясь, превращались в жидкость. Эта самая жидкость и есть калмыцкая *арики*. *Арика*, [14] перегнанная в другой раз называется *арза*; перегнанная в третий раз называется *хурза*. Она, по уверению калмыков, нисколько не уступает в крепости спирту. *Хурзу* перегоняют редко и вовсе не пьют, потому что она становится уже ядовитой, почему калмыки перегнанную *хурзу* называют *хорун* — яд. Мы дождались окончания процесса винокурения. Калмык, вероятно, слуга Г-ва, снял с котлов трубку, вынул из корыта котел с аркой и подал его хозяину кибитки, который сидел на почетном месте около кровати против дверей. Хозяин налил несколько капель из котла в деревянную чашечку и выплеснул под таган на огонь — это *гал теахо*¹ — жертва огню; потом налил в другой раз и плеснул в *цагрык* — верхнее отверстие кибитки — это жертва *тэнгэр-бурхану* — покровителю кибитки; налив *арики* в чашечку в третий раз, он выплеснул ее в дверь кибитки — это жертва умершим предкам; наконец, в четвертый раз он плеснул аркой к себе за спину к тому месту, где стоят бурханы. Окончив эти предварительные обряды, хозяин начал угощать гостей. В качестве гостя, я также должен был выпить чашку этого калмыцкого нектара. Отвратительный напиток! Пахнет и дымом и коровьим пометом. Секретарь не допил своей чашки, потому что заметил в ней кусочек той смеси, которою обмазан был котел. Из пяти или шести ведер выгнано было *арики* около 4-х штофов. Гуща, оставшаяся от перегонки молока, у калмыков не пропадает. Эту гущу называемую *бозо*, они или разрезают на кусочки и сушат на солнце, или делают из нее небольшие неправильные катышки и также сушат. В первом случае получается кушанье, назы-

¹ Гал теахо (гал тээх) — обряд жертвоприношения огню у калмыков.

ваемое *хурсун*, во втором *шююрмюк*. Последнее большею частью готовится на зиму...

[№ 9]

[9] 14-го июля. День прошел также, как проходили большею частью дни, т. е. мы ходили по кибиткам, разговаривали с калмыками на калмыцко-русском языке, узнавали калмыцкие названия разных вещей, необходимых в быту калмыков; молодые калмыки заходили и к нам в квартиру. Один из них скрипач Б-ка увидел у нас на столе русско-калмыцкий словарь г. К. Голстунского. Как знающий и русскую и калмыцкую грамоту, он начал перелистывать его и потом, положив на стол словарь, сказал, что здешние калмыки не все поймут калмыцкую речь, если употреблять для нее слова из словаря г. Голстунского, и что некоторые слова, приведенные у Голстунского, вовсе не употребляются в живом народном говоре. Не зная народного разговорного языка, я не могу судить, насколько справедливы слова Б-ки. Впрочем, для примера я спрашивал некоторых калмыков, что значит слово *тюшимэль*, переведенное у г. Голстунского словом министр, и ни один из них не понял этого слова. Калмыки всем чиновников всех рангов называют *ямта*, или же названия чинов и должностей оставляют без перевода, напр. *сэклэтэр* (секретарь), *истасски сюэтник* (статский советник) и т. п. С каждым днем убеждаюсь, что народную речь можно изучить только среди калмыков. Нужно много внимания и практики, чтобы привыкнуть к простонародному говору. Особенное затруднение встречается для нас в том, что калмыки говорят слишком быстро, так что несколько слов в их речи как бы сливаются в одно, напр. Фразу: *гал абчи ирэ* (подай огня) они выговаривают: *гал абчир* или *тэрэ ябучжи одбой* (он ушел) они произносят *тэр ябчидба*. При том и сами грамматические формы разнятся несколько от форм книжного языка. Напр. фраза: когда ты поедешь в город? На книжный язык должна быть переведена так: *кэээ чи балгасун ду одонай*. Между тем простой калмык этот самый вопрос предложил другому калмыку, отправлявшемуся с Астрахани, в такой форме: *кэээ одначи балгасунда*, т. е. сделать перестановку слов и сократить¹ два слова. Наш слуга Надмидка, сменивший Мамашку, докладывает нам сегодня о судаке, которого мы вечером накануне, опасаясь хищных голодных кошек, подвесили на крыльце: *ботха наранда хатачжина* т. е. судак [10] сохнет на солнце. Глагол *хатачжи* собственно есть деепричастие настоящего времени,

¹ Так в источнике.

которое имеет значение настоящего определенного только в связи с вспомогательным глаголом *байна* (есть). Таким образом, в народном говоре от вспомогательного глагола *байна* осталось только на. Тоже самое и с отдельными словами. Надмит вместо *бодомонцок* (картофель) произносит *бодонцок*, *годосун* (сапог) — *госун*, *гэдэсун* (живот) — *гэсун*, *одоксон* (ушедший) — *одсон*, *ирэксен* (пришедший) — *ирсэн* и т. п. ... Вечером ходили на Волгу смотреть, как казаки вместе с калмыками ловили небольшим неводом рыбу. Возмутительно было видеть, как грубо русские обращаются с калмыками. Один молодой калмык не вовремя потащил сеть. *Уй, закричал на него казак по-калмыцки, ноха! зокчи! бэчигэ тата!* Т. е. Эй, собака! Подожди, не тащи! Для большей выразительности он вслед за калмыцкими словами произнес русскую непечатную брань. Калмык ни слова не отвечал на грубую выходку казака, верно, привык уже к подобному обращению с ним.

15-го июля. Калмыки, по приказанию помощника попечителя, нынешний день начали перекочевывать на другую сторону ерика, разделяющего дом князя Тюменя и кибитки от казенных зданий, в которых живут русские чиновники Улусного Правления и казаки. Мимо нашей квартиры быки тащили разобранную кибитку; я пошел рядом с хозяином этой кибитки, чтобы посмотреть, как будут ее ставить. Ее поставили ровно в три четверти часа, ставили двое — муж и жена. Впрочем, и я немного помог им поднять *харачи* (деревянное круглое верхнее отверстие кибитки) и воткнуть в него *унины*. Пока ставили кибитку, два маленьких сына этих калмыков валялись по траве; один из них был еще грудной, другому было около 4-х лет. Последний постоянно приставал ко мне с вопросом: *чымду тамка байнуу* — у тебя есть табак?..

Г. С-в с казаком отправился в Сероглазинскую станицу подать на почту письма и закупить съестной провизии. После его отъезда в полдень я лег было отдохнуть, но сильная жара и мухи не позволили мне уснуть. Я стал ходить по берегу Волги, где стоят кибитки; старики-калмыки спали, а молодые ребята купались. Тут я увидел одну сцену из калмыцкого быта, которую не совсем удобно передавать в печати и потому я умалчиваю о ней...

В этот день, вечером, казаки опять ловили рыбу и опять также грубо [11] обращались с калмыками... Между прочим, один старый, плохо видевший и постоянно кашлявший калмык поминутно приставал к помощнику попечителя с вопросом: «Будет ли Царь (Государь Император Александр Николаевич) в Тюменевке?» «Я, говорил он, прослужил

35 лет, теперь стал стар, работать не могу, а есть еще хочется. Если я подам *бичик* (прошение — собственно письмо) Царю, *мюнгюн* (денег) даст Он мне? Когда я был сторожем в Улусном Правлении, мне главный попечитель дал однажды *гурбун* (три) монет... Если же Царь не даст денег, то мне хоть бы посмотреть только на Него, а после этого я и умру спокойно...» — «Уй, Петерва! закричал на этого калмыка один казак, убирайся подальше от берега, а то пожалуй, слетишь в воду, тогда и Царя не увидишь! — Ну, Петерва, умирай скорее! заметил другой казак; вон на берегу и дрова (готовы, сожжем тебя как нойона. — Ну, молись своему бурхану, продолжал этот казак, закидывая в воду невод, чтобы и на твою долю попал *шююгюль сайн ботоха* (в невод добрый судак...))» Лов рыбы в этот вечер был довольно удачный...

16-го июля. Накануне ночью часов в 10 возвратился из Сероглазки г. С-в с достаточным запасом съестной провизии. Утром на парадном крыльце дома князя Тюменя, выходящем на Волгу, мы пили русский чай... *Гэлюн-бурхачи*, живущий в верхнем этаже, удостоил нас своим посещением. Мы предложили ему стакан чаю, который он охотно согласился выпить. Дали ему перед чаем икры, привезенной из Астрахани, не отказался и от нее. Бурхани¹ все допытывался у нас: кто мы? Зачем приехали в Тюменевку? Скоро ли уедем отсюда? И проч. Впрочем, этими вопросами надоедает нам каждый калмык, с которым мы встречаемся. По-видимому, они подозревают в нас каких-то чиновников. Утром еще до чаю несколько калмыков, шедших косить траву, приставали к нашему слуге Надмитке с вопросом, касающихся моей личности: *тэрэ ююн бычинэ* — что он пишет? Разумеется, Надмитка не мог ответить на этот вопрос. А я считал лишним, да и невозможным растолковать им, что именно я пишу... Бурхачи, напившись чаю, вскоре отправился к *сюмэ*, вероятно, поделиться новостями со своими братьями, хотя от нас, собственно говоря, нового он положительно ничего не узнал... Скучно, верно, бедному! Вся его обязанность состоит в том, чтобы зажигать топленное коровье масло в субурге — (часовне). Целый день он проводит почти только [12] в том, что курит трубку, пьет калмыцкий чай и учит маленьких детей. На его руках хранятся разные документы, касающиеся служебной военной деятельности князей Тюменевых и находящиеся в особом здании, построенном Сербе-Джапом в саду.

¹ Так в источнике. Имеется в виду бурхачи.

[№ 10]

[8] 17-го июля. На другую сторону ерика, где живут русские чиновники, перекочевало кибиток десяток. Ныне мы ходили по этим кибиткам: почти в каждой из них гнали *арики*. Надмитка пригласил меня в свою кибитку. Беднота страшная!.. Тем не менее, и у него в кибитке готовилась *арики*. Здесь днем я лучше мог рассмотреть, до какой степени неопрятны калмыки. Жена Надмитки — грязная, вся в поту, исполняла должность винокура. Когда вино было готово, она приподняла крышки с обоих котлов, но сделала это так неосторожно и небрежно, что и в *бозо* и в *арики* падало значительное количество сухого коровьего помета, которым обмазаны были кружки котлов. Я заметил жене Надмитки, что *аргасун* (сухой скотский помет) нужно бы выкинуть из котлов; она взяла *шанага* — большой деревянный с длинной ручкой ковш, собрала им из котлов коровий помет, смешавшийся с *бозо* и *арики*, и вылила в особую деревянную чашку; остатки на ковше она вычистила пальцами и облизала их.

— Куда вы денете эту смесь? — спросил я Надмитку. «Съедим, когда отстоится», — отвечал он.

После предварительных религиозных обрядов Надмитка подал мне чашку *арики*. Видя собственными глазами, как готовилась она, я не решился выпить эту чашку и потому, сделал вид, что «пригубился» к ней, подал ее, по правилам калмыцкой вежливости, жене Надмитки; она, отхлебнув немного из чашки, подала мужу, который с удовольствием и осушил ее до дна... Жена Надмитки просила у меня денег на калмыцкий чай, но на этот раз я отказал ей в просьбе, сказавши, что *ман-ду мюнгион уга* — у нас денег нет. По мере истощения средств, мы с г. С-м становились менее щедрыми, чем прежде, по отношению к калмыкам, потому что они народ слишком бесцеремонный, когда дело касается желудка: ровно по духу чуют, когда мы пьем русский или калмыцкий чай, или едим какой-нибудь *шюлюн* (похлебку, суп) и непременно явятся разделить нашу трапезу, а их здесь живет порядочно — около 50 кибиток. Простившись с Надмиткой и его женой, я зашел в [9] кибитку опекуна улуса г. М-ва, стоявшую рядом с кибиткой Надмитки. Там сидел г. С-в, перед ним стояла чашка с молочным кушаньем, которое у калмыков почему-то называется *махан-ээдмык*, хотя *махану* (мяса) в этом кушанье не было ни куска. *Махан-ээдмык*, как объяснил мне г. М-в, готовится из горячего *бозо* и холодного сырого коровьего молока. Кушанье это мне весьма понравилось и я с удовольствием съел его целую чашку... Кибитка г. М-ва была полна калмыками. При входе в нее я по-

думал сначала, что они собрались к опекуну улуса рассуждать о каких-нибудь общественных делах; но, осмотревшись хорошенько, я увидел, что *заруца*¹ — слуга г. М-ва разливал из *бербе арику* и разносил гостям. Причина такого многолюдного собрания стала для меня понятною. Каждому калмыку известно в какой кибитке гонят вино, кто зарезал барана, кто варит конину и потому всякий, у кого пусто в желудке, прямо без приглашения идет в ту кибитку, в которой можно чего-либо поесть, или попить... И хозяева бывают даже очень рады, по крайней мере, по наружности, что им представляется случай угостить лишнего человека.

От М-ва мы с г. С-вым зашли к помощнику попечителя и здесь имели случай видеть, как совершается суд над калмыками. Под тенью своей квартиры сидел на стуле помощник попечителя, пред ним стояли два калмыка, обвинявшиеся в покраже 3-х лошадей у молодого зайсанга Б-бэ Ар-ва. На земле, на зеленой траве сидел сам истец, поджавши под себя ноги; вскоре пришел и г. М-в с другими молодым с плутовской физиономией калмыком, заявившим, что у него ночью украли пять лошадей. Оба они сели на траву; во время допроса все калмыки, присутствовавшие здесь, постоянно курили трубки, кроме допрашиваемых. Допрашиваемые на это раз притворялись ничего непонимающими по-русски, тогда как по уверению помощника попечителя, который уже не в первый раз имеет с ними дело, они хорошо говорят по-русски, или, по крайней мере, понимают этот язык. В этом мы лично убедились во время допроса. Помощник попечителя предлагает, например, одному калмыку вопросы на русском языке: «Был у вас в хотоне зайсанг Ар-в? *Ирэ-лэ* (был — собств. приходил), отвечает допрашиваемый. «Взял он у вас из хотона лошадей? — *Абла* (взял). «Сколько он взял?» — *Гурбун мерин* (три лошади). Допрашиваемый калмык таким образом отвечал на [10] калмыцком языке прямо на вопросы, предлагаемые ему помощником по-русски и, значит, понимал смысл этих вопросов. Кроме того, допрашиваемый калмык, отвечал на вопросы помощника по-калмыцки, в горячности и по забывчивости вдруг начинал говорить по-русски; потом, спохватившись, опять принимался бормотать по-калмыцки... Не могу никак понять, что хотят выиграть подсудимые калмыки, притворяясь на допросах непонимающими русского языка, потому что при Улусных Правлениях находятся переводчики и толмачи, помощью которых и пользуются заведующие улусами русские чиновники...

В полдень приехали из Астрахани на пароходе трое молодых зайсангов, отлично говорящих по-русски. Они родом из Малодербетов-

¹ Заруца (*зарц*) — слуга.

ского улуса и заехали в Тюменевку по дороге засвидетельствовать свое почтение княгине *Рашиан-Далик*, которая взята замуж из того же улуса. Вечером они нарядились в великолепные национальные костюмы и отправились к ней пить русский чай. По калмыцкому обычаю, войдя в кибитку, они сели по левую сторону от входа, поджавши под себя ноги. Вскоре им подали в стаканах чай. Мы долго дожидались, о чем эти зайсанги будут беседовать с княгиней, но они упорно молчали, — только по временам в полголоса перебрасывались между собою несколькими отрывочными фразами. Наскучив долгим ожиданием и не находя покоя от комаров, мы ушли от кибитки княгини и стали гулять по берегу Волги, где комары не так сильно одолевали нас.

18-го июля. Ныне мы ходили во второй этаж к бурхачею отплатить ему визит и вместе с тем посмотреть на обстановку его квартиры. Квартира бурхачея убрана была также, как и квартира другого гэлюна, у которого я был на Калмыцком базаре в праздник *Цаган-Сара*¹. У одной стены по левую сторону от входа стояла низенькая койка, на которой лежал с трубкой в зубах сам бурхачи². На полу около койки стоял медный таз, в который бурхачи сплевывал слюну, являющуюся от табакокурения. Рядом с тазом стоял маленький столик — *бичихан ширя*, на котором лежали мозеровские часы, складной нож, компас, книга в кожаном переплете озаглавленная *эмчи* (лечебник) и еще какие-то металлические вещицы, назначения которых не объяснил и сам бурхачи. К самой койке протянут, был ремень, привязанный к молитвенной машине — *кюрду*, за который по временам подергивал бурхачи. У другой стены, [11] противоположной койке, на длинных столах расставлены были бурханы и развешаны картины религиозного содержания. Бурхачи позволил нам рассмотреть своих бурханов. Это были: *Дзон-Кхова*³, *Бурхан-Бакши*⁴ и *Дара-Экэ*⁵. Все они, по словам бурхачи,

¹ Цаган-Сара (*Цаган сар*) — праздник начала весны по лунно-солнечному календарю укалмыков.

² Бурхачи (*бурхч*) — смотритель за порядком в калмыцком хуруле.

³ Дзон-Кхова (калм. *Зунква*, тиб. Цзонхава) (1357–1419 гг.) — тибетский религиозный деятель, философ и проповедник, основатель тибетской буддийской школы Гелугпа.

⁴ Бурхан-Бакши — Будда Шакьямуни.

⁵ Дара-Экэ (*Нохан Дэрк*) — калмыцкое название буддийского божества Зеленая Тара, ее называют также Дара-Экэ 'Тара-мать'. Зеленая Тара — самая популярная форма божества Тара. Известны всего 21 форма божества Тара в буддийском пантеоне божеств.

были вылиты будто бы из чистого золота... Говорили большею частью о предметах, находящихся в его комнате и относящихся или к домашней утвари, или к религиозным украшениям. На одном из столов поставлено было множество серебряных чашек, наполненных пшеницею, пшеном, яблоками, огурцами, конфетами и *аршьяном* (свящ. подслащенная вода с шафраном). По краям стола лежали старинные мелкие русские медные монеты. Все это — жертва бурханам. Бурхачи в разговорах с нами притворялся, что он по-русски *медкишь* — не понимает, между тем, как по улыбкам и по разным мианам на лице при разговоре моем в г. С-вым можно было с несомненностью заключить, что, если он и действительно не говорит по-русски, то по крайней мере хорошо понимает этот язык... В продолжении почти двухнедельного пребывания в Тюменевке мы не встречали ни одного духовного лица, которое говорило бы по-русски. *Манчжики*, постоянно ходившие в сад князя Тюменя, где мы обыкновенно пили чай, упорно отказывались говорить по-русски, тогда как по многим признакам видно было, что они понимают этот язык. Русские чиновники положительно уверяют, что высшее ламайское духовное чиновначалие строго запрещает духовным лицам говорить по-русски, видя в знании русского языка шаг к обрусению калмыков, чего ламайское духовенство, по понятным причинам, страшно боится. С другой стороны, духовенство слишком недоверчиво смотрит на русских и от такого гэлюна, каков например бурхачи, трудно узнать что-либо, касающееся быта, или религии калмыков. Один из пожилых калмыков, знающий хорошо нравы своего духовенства, даже и не советовал мне толковать с гелюнами о таких предметах, потому что гэлюны, говорил он, или будут молчать, или отделяваться шутками, или же бессовестно лгать.

После визита к *бурхачею*, я решился по совету одного стрельца поучиться стрелять из ружья. Этот стрелец постоянно твердил мне, что в степях необходимо уметь стрелять: ружьем в степи можно добыть себе и дичины на пищу и дать при случае острастку недоброму человеку. После двух неудачных выстрелов, в третий раз я застрелил двух ворон. Между тем, пока я возился с ружьем, калмыки что-то сильно засуетились: [12] чистили лошадей, отрыли откуда-то старый тарантас и приводили его в порядок; *улачи* (рассыльные, ямщики) впопыхах бежали то к опекуну улуса, то к русским чиновникам, то к ключарю Нохашке. Возвратившись в квартиру, я увидел последнего ползающим под бильярдным столом, из-под которого он выметал сор. От Нохашки я уз-

нал, что из Астрахани получено известие о приезде в Тюменевку князя Церен-Надмита. Тогда для меня стала понятна причина суматохи калмыков. Нас с г. С-м деликатно попросили перебраться в другую комнату, что мы немедленно исполнили. Калмыки толковали, что вместе с князем приедут в Тюменевку г. начальник губернии и Главный попечитель калмыцкого народа К. И. Костенков¹. В этот день хотя и пришел пароход из Астрахани, но с него ссадили вместо князя какого-то чиновника и астраханского рыбопромышленника г. П-ва, приехавших нанимать калмыков для работы на ватаге. Вечером, когда по расписанию парохода нельзя было ожидать, мы пошли отдать последний визит некоторым калмыкам и русским чиновникам. Добравшись до кибитки г. М-ва, которого я полюбил за его относительную развитость, за готовность сообщать сведения о калмыках и за гостеприимство, мы присели на траве около его кибитки. Была уже почти ночь; коровы стояли невдалеке, привязанные на веревках к кольям, телята мычали, улачей недалеко от кибитки подкладывали дрова под котел и варили махан для М-ва; маленькие ребятишки — дети хозяина — хохотали и визжали, валяясь по земле, завернутые в кошмы. Между прочим, я попросил г. М-ва достать для меня *арики*, *хурсуна* и *шююрмюка*, которые я намерен был повезти в Астрахань для того, чтобы показать своим знакомым. Все это при помощи его и Надмитки мне удалось приобрести. Простившись с г. М-м и по дороге зашедши на несколько минут к русским чиновникам, мы возвратились в свою квартиру. К нам пришел скрипач Б-ка, немного выпивши. Он жалел все о прежнем житье князей, когда по его словам в доме чуть не каждый день бывали пиры, когда князья, постоянно жившие в Тюменевке, рады были всякому русскому гостю. А теперь, говорил он, все пустеет: князь редко приезжает в Тюменевку, больше живет в Астрахани; пиров не бывает, музыки никогда не слышно, сад совершенно заглох, гостей из русских почти никогда не бывает. Все это он говорил, как бы сожалел о том, что мы приехали в Тюменевку в такое время, когда она уже [13] потеряла свой прежний блеск и славу. Расчувствовавшись, этот добрый калмык обещался прислать нам на другой день поросенка. Мы, как русские, отнеслись к его обещанию так, как и повелевает русская пословица:

¹ Костенков К. И. — Главный попечитель калмыцкого народа, действительный статский советник, капитан-лейтенант Гвардейского экипажа, был начальником Кумо-Манычской экспедиции (1860—1861 гг.). Внес значительный вклад в изучение истории калмыков.

«дают — не отказывайся, сам не напрашивайся». Обещанного поросенка на другой день мы скушали с большим аппетитом.

[№ 12]

[9] 19 июля. Калмыки приготавливаются к встрече своего князя. От нечего делать я стал осматривать, кажется, в третий уже раз, дом князя Тюменя и другие два здания, построенные в саду. Громадный деревянный дом князя Тюменя совершенно обветшал и запустел. Великолепная, дорогая и прочная мебель стоит в комнатах без всякого порядка, покрыта пылью и паутиной; в той комнате, в которой мы жили, в углу на полу стоят большие зеркала, два стола, обложенные красным деревом, значительно попорченные, и большой никуда уже негодный орган, из которого нельзя извлечь ни одного звука; на бильярде, стоящем в комнате соседней с нашей, все сукно изорвано. По стенам во всех комнатах развешаны картины, изображающие события исключительно из военной истории и приобретенные большею частью князем Сербе-Джапом. В одной комнате в углу повешана великолепной живописи икона Спасителя. Эту икону купил Сербе-Джап по просьбе покойного Преосвященного Астраханского Виталия, который [10] ревизуя в конце 30-х годов епархию, заехал из с. Селитряного¹ в Тюменевку и был в гостях у князя Сербе-Джапа в том самом доме, в котором мы живем. Разговаривая с князем, Преосвященный между прочим попросил его отвести для него одну комнату и поставить в ней образ Спасителя, чтобы ему, Преосвященному, в случае проезда в другой раз через Тюменевку, было где помолиться Богу. Князь уважил просьбу Преосвященного Виталия, выписал из Москвы икону Спасителя, повесил ее в одной комнате своего дома и заботился о том, чтобы пред нею постоянно горело масло в лампадке*. С тех пор пред этой иконой по временам служат молебны соседние русские священники, которым случается почему-либо навещать Тюменевку. Один из русских улусных чиновников, живущих в Тюменевке, рассказывал мне, что в нынешнем году на Пасху перед этой иконой для русских служил молебен священник из Замьяновской станицы. После молебна многие калмыки, присутствовавшие на оном, согласны были, по словам этого чиновника, приложиться ко св. кресту, но их отговорил от этого один пожилой калмык, закоренелый ламаист... В других этажах комнаты стоят совершенно пустые, исключая той, в которой живет *бурхачи*; стены исписаны по-

¹ Селитряный (Селитренное) — село в Харабалинском районе Астраханской области.

калмычки углем и мелом; на некоторых стенах нарисованы мелом и углем калмычки с приплюснутыми носами и узенькими глазками. Везде пыль, паутина, сор, помет голубей, воробьев, ласточек... Некоторые комнаты отведены под кладовые, в которых хранится разного рода посуда: глиняная, фарфоровая, медная, серебряная. Все это на руках ключаря Нохашки... Вообще этот дом с красивой мебелью, со множеством комнат, украшенных не дешевыми картинами, — дом, свидетельствующий о богатстве, широком житье-бытье и европейском вкусе прежнего владельца, построившего его, в настоящее время производит тяжелое впечатление. Пустота его комнат, ничем невозмутимая тишина, пыль, густыми слоями покрывающая стены и мебель, сор, паутина и пр. как бы говорят посетителю, что ничто не вечно на земле, что «богатый прейдет, как цвет на траве... Восходит солнце, настает зной, и зноем иссушает траву, цвет ее отпадает, исчезает красота вида ее: так увядает и богатый в путях своих... Богатство [11] гниет, одежды изъедаются молью; золото и серебро ржавеют и ржавчина их будет свидетельством» (Иак. I, 10-11; V, 2-3) относительно непрочности и суетности богатства...

[Примечание]

*Сведения о том, кто, где, когда и по какому случаю поставил эту икону в доме князя Тюменя, сообщены мне были уже в Астрахани настоятелем Гостино-Николаевской церкви прот. Н. А. Ливановым, который сопутствовал преосвящ. Виталию во время его ревизии епархии.

После дома Тюменя я стал осматривать другие два здания, построенные в саду. Одно из этих зданий — нечто вроде часовни, которую калмыки называют *субурга*. Ее построил и молился в ней старый князь Сербе-Джап, который от старости и естественного ослабления сил затруднялся ходить на молитву в каменный *сюмэ*, стоящий в порядочном расстоянии от дома Тюменя. Устройством своим *субурга* совершенно похожа на *сюмэ*. Внутри ее было пусто. На деревянном полу вследствие сырости (полая вода потопляла это здание) росло что-то вроде тех грибов, которые обыкновенно растут на стенах погребов. В углу, противоположном входу, на небольшом деревянном возвышении стоял небольшой продолговатый деревянный ящик, в котором лежало несколько длинных исписанных тетрадок религиозного содержания (ном) и каких-то вещиц, зашитых в разноцветные шелковые ткани — наподобие тех амулетов, какие каждый калмык

носит на шее. На ночь в этой субурге зурхачи зажигает коровье масло... Говорят, что он со временем поставит здесь бурханов и жертвенные чашечки: калмыки после половодья недавно перекочевали сюда и потому не успели ещё привести всего в порядок. Когда будут поставлены бурханы, тогда *субурга* получит вид миниатюрного *сюмэ*. Осмотревши *субургу*, я пошел в другое здание, построенное в калмыцко-китайском вкусе, в котором во время старости жил князь Сербе-Джап. Здание это состоит из двух этажей... Общий вид нижнего этажа напоминает квартиру бурхачи: здесь есть и бурханы на деревянных возвышениях, и номы в длинных ящиках, и амулетки, зашитые в шелковые материи и хранящиеся также в ящиках. По правую сторону от входа стоит низенькая кровать, на которой почивал Сербе-Джап. По стенам этой комнаты развешаны разного рода оружия: ружья, пистолеты, винтовки, старинные пищали, шпаги, сабли... Некоторые из ружей имеют такие длинные стволы, каких я никогда не видал и каких, как мне передавали стрельцы, теперь вовсе не употребляют. Несколько шашек и сабель подарены князьям Тюменям разными царственными особами. У этих шашек и сабель золотые и серебряные рукоятки, которые украшены разными драгоценными камнями. На все холодные оружия надеты чехлы. Говорят, что все эти вещи составляют такую фамильную [12] собственность князей Тюменевых, которую они не могут или не имеют права ни продать, ни подарить... В одном углу комнаты я заметил полную корчагу топленого коровьего масла, которым бурхачи пользуется как для своей кухни, так и для зажигания лампад пред бурханами. В верхнем этаже я обратил особенное внимание на довольно порядочную кучу тетрадей и бумаг, лежащих в совершенном беспорядке и покрытых пылью. Я стал просматривать эти бумаги и что же оказалось? Между тетрадями на калмыцком языке религиозного содержания я заметил несколько больших печатных на русском языке листов с приложенными к ним громадными печатями. Прочитав некоторые из них, я увидел, что это разные именные указы царей, дипломы, грамоты и т. п., в которых говорится о заслугах князей Тюменевых на военном поприще и о награждении их разными воинскими чинами... На карнизе, как раз над этой кучей бумаг, ласточки слепили себе гнезда... Мне грустно стало, что такая фамильная драгоценность так небрежно хранится: валяется в пыли, птичьим помете и сору, на полуразвалившемся чердаке. Какой-нибудь лоскуток бумаги, на которой написаны два-три ни для кого непонятных

тибетских слова, зашивают в шелковую материю и хранят от пыли в ящиках, а царские указы, свидетельствующие о важных заслугах князей Тюменевых, потрудившихся на пользу русским Царям, отечеству и в частности своим единомышленникам-калмыкам, находятся в таком небрежении!.. Сущих пустяков стоило бы вделать эти указы или дипломы в рамки и развешать их по стенам какой-нибудь комнаты большого Тюменевского дома, снявши наперед с этих стен несколько французских гравюр, изображающих каких-то гренадеров с невероятными усищами, или толстопузых барабанщиков ...

Замечательно, что все здания, принадлежащие князьям Тюменевым не запираются на замки, а между тем имущество, хранящееся в них, остается целым. Баранов, лошадей, рогатую скотину калмыки постоянно воруют, так что чиновникам Улусного Правления приходится большей частью заниматься делами этого рода, а княжеского имущества не касаются. Одни объясняют этот факт тем, что с бараном или быком легче и скорее можно справиться: пока начнутся розыски, их можно зарезать и съесть; а с какой-нибудь шпагой, имеющей серебряную или золотую рукоятку, или с громадным зеркалом не так-то легко справиться: нужно продать, а кому [13] продать? Да и какой покупатель поверит, что эти вещи — собственность бедняка-калмыка... Другие объясняют этот факт не трудностью сбыта княжеских вещей, а тем уважением, какое питают калмыки к князьям, на которых они смотрят почти как на бурханов. Я более склонен держаться последнего объяснения.

Вечером, часов в 5-ть приехал на пароходе «Переворот» князь Церен-Надмит Тюмень с двумя молодыми людьми. Один из них знакомый г. С-ва привез ему из Астрахани письмо, в котором родственники г. С-ва извещают его о появившейся в городе сильной холере и просят его, если можно, не приезжать в Астрахань, а жить в Тюменевке, где, как они совершенно верно полагали, менее опасности. Г. С-в был не прочь пожить ещё, но я ни за что не соглашался на это, потому что сильно стал беспокоиться о своей семье, оставленной мною в Астрахани. Посоветовавшись между собою, мы, наконец, решились на другой же день проститься с Тюменевкой, несмотря на то, что с приездом князя там стали толковать о разных национальных играх калмыков, борьбе, скачках и пр., на что для нас было бы весьма интересно посмотреть.

[№ 13]

[10] Живя в Тюменевке, я по мере возможности старался наблюдать, насколько религиозны калмыки, как относятся они к русским, их обычаям, религии и пр. Делал я это с целью узнать, в какой мере калмыки способны и доступны к воздействию на них христианства.

В чём проявляется религиозность простого калмыка внутри кибитки, об этом см. № 2-й «Астр. Епарх. Вед.» стр. 17–18. Из обрядов калмыки чрезвычайно строго соблюдают *мацаки* (посты)¹. Во время нашего пребывания в Тюменевке случился *мацак* (он бывает 8, 15 и 30 чисел каждого месяца) и в этот день никто не резал барана. Вообще во [11] время *мацаки* калмыки особенно строго соблюдают главную ламайскую заповедь, повелевающую щадить жизнь каждого живого существа — *амитан*². К гэлюнам простые калмыки питают глубокое уважение, смотрят на них, как на святых. Но более развитые и понимающие калмыки не верят в святость гэлюнов и не прочь при случае даже поострить на счет обета безбрачия, которое обязательно у ламитов для каждого духовного лица. Что касается до сношений калмыков с русскими, то в этом отношении ничего лучшего и желать нельзя... Я с истинным удовольствием вспоминаю о том приёме, какой оказывали мне калмыки во время моего пребывания в Тюменевке. В какую бы кибитку я ни заходил, везде встречали одинаково ласковый прием. И мужчины и женщины относительно гостеприимства поступали по русской пословице: «Чем богаты, тем и рады». Они с предупредительностью удовлетворяли моему любопытству узнать то или другое, объясняли, какая вещь какое имеет назначение, позволяли осматривать свою святыню, т. е. *бурханов* и *номы*, и ни одним словом, ни одним намеком не давали знать, что им неприятны моё посещение и расспросы. В искренности такого приема я не имел ни одного случая усомниться... Я встречался с протестантами (в Камышине), с раскольниками (в Казани), с мусульманами и евреями (в Астрахани и Казани), с молоканами (в Царевском уезде), но ни в ком из этих лиц, принадлежащих к разным народностям, вероисповеданиям и сектам, я не встречал такой искренности и такого отсутствия фанатизма, какое встретил в калмыках. К религии христианской калмыки относятся с уважением. Извест-

¹ Мацак (*мацэ*) — буддийский пост. Калмыки-буддисты отмечали три поста в месяц: восьмого, пятнадцатого и тридцатого числа по лунно-солнечному календарю.

² Амитан (*амтн*) — живые существа.

но, что почти каждый калмык поклоняется святителю и чудотворцу Николаю Угоднику; в доме Тюменя 30 слишком лет стоит икона Спасителя, и никто из калмыков не относится к этому фанатически, как отнесся бы в подобном случае напр. молоканин, мусульманин, или еврей. Я сам слышал отзыв одного чиновника калмыка об Иисусе Христе. По его словам, это был святой человек, который проливал кровь и страдал за спасение людей не менее Будды. Понимающим калмыкам особенно нравятся нравственные законы христианской религии, вероятно, потому, что основа христианской нравственности — законы любви — и в ламайской религии составляет особенно важный пункт нравственных правил. Один калмык несколько лет тому назад спорил даже со мной о том, что закон любви у ламаитов понимается гораздо шире, чем у христиан. Христианин, [12] говорил он, должен любить всех людей, а ламаист должен любить не только людей, но и все вообще живые существа — *амитан*. Итак, калмыки, по моему личному наблюдению и по рассказам других, гораздо легче могут быть обращены в христианство, чем, например, мусульмане. Своей религии калмыки (большинство) почти не знают, с русскими обходятся без фанатизма, охотно перенимают русские обычаи, с уважением отзываются о христианской религии. (О некоторых подробностях касательно отношения калмыков к своему духовенству, капищам, русским и христианской религии см. №2 Астр. Епарх. Вед., стр. 17–20).

Но при обращении калмыков в христианство не следует упускать из виду и те затруднения, для устранения которых миссионеру нужно много труда, энергии и силы и убедительности. Затруднения эти исходят главным образом со стороны духовенства, которое имеет громадное влияние на значительное большинство невежественных калмыков. Я имел уже случай заметить в своем дневнике, что высшее ламайское начальство строго запрещает духовенству говорить по-русски, видя в этом шаг к уничтожению религии и национальности калмыцкой. Во-вторых, калмыки, расположенные к христианству, часто не решаются креститься, опасаясь князей и зайсангов, которым они платят *албан* (подать). В третьих, наконец, препятствием, по мнению некоторых, может в некотором отношении служить даже то обстоятельство, что калмыки считают христианскую религию родственной ламайской; совершенно искренне готовы исповедовать обе религии вместе; почитают Николая Угодника и не прочь поместить в свой пантеон и Иису-

са Христа, которого они считают за одного из Будды, каковое мнение случалось слышать между астраханскими калмыками и покойному г. Бобровникову (Пр. Обзор. 1865 г. ст. 499). При этом калмыки отдают преимущество пред Иисусом Христом Будде Шакья-Муни и его религии приписывают безусловное совершенство. Буддизм, говорят они, есть верх мудрости и совершенства, — христианство только приближается к нему...*

* Но в виду этих и других препятствий к просвещению своему веры Христовой калмыков «да не смущается сердце» астраханских православных миссионеров. Пусть они с апостольскою ревностью и с живым упованием на благодатную помощь Божию смело несут в среду этих добрых и простодушных по природе инородцев благовествование Христово, в котором заключается всепобеждающая сила божья. Пусть с любовью и преданностью к своему святому делу — одни из них насаждают, другие поливают, а возрастит Бог.

Литература

Воронцов А. Об астраханских калмыках. История пребывания их в России, современное религиозное их состояние и надежды на них в будущем // Астраханские епархиальные ведомости. 1875. № 1–2.

Воронцов А. В. Несколько дней пребывания моего в Тюменевке // Астраханские епархиальные ведомости. 1875. № 6. С. 15–18; № 7. С. 9–15; № 8. С. 10–14; № 9. С. 9–12; № 10. С. 8–13; № 12. С. 9–13; № 13. С. 10–12.

Воронцов А. Несколько слов о современном положении калмыков, кочующих в Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1876. № 18–19, 21–23.

Воронцов А. Рассказ из быта калмыцкого народа // Астраханские епархиальные ведомости. 1876. № 26.

Воронцов А. Извлечение из путевого дневника, веденного в Астраханских калмыцких улусах // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 11–14.

Воронцов А. По вопросу о необходимости преобразования быта калмыков // Астраханские епархиальные ведомости. 1878. № 49.

Воронцов А. Новый год у калмыков // Астраханские епархиальные ведомости. 1883. № 22.